

ИМПЕРСКАЯ И СОВЕТСКАЯ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

© 2009 Т.М. Братченко¹, А.С. Сенявский²

¹ Московский Государственный открытый университет

² Институт российской истории РАН, г. Москва

Поступила в редакцию 29.06.2009

Революция 1917 г. прервала, но не пресекла единый, универсальный процесс индустриальной модернизации России, который происходил в рамках двух моделей – дореволюционной и советской. Между ними были радикальные различия, но сохранялась и преемственность в главном – в модернизационном векторе. Сравнение этих моделей показывает, что обе они имели свои проблемы и противоречия. Но первая, имперская модель, исторически провалилась, окончившись революционным взрывом, который она же во многом и породила, тогда как вторая обеспечила превращение России – СССР в сверхдержаву, и в основном – индустриализацию страны.

Ключевые слова: Россия, СССР, экономическая модель, прерывность и преемственность, индустриальная модернизация, рынок, государственное регулирование, кризис, мобилизационная модель.

Экономическая модель никогда не бывает абстрактной, но всегда в существенной степени “привязана” к конкретно-историческим условиям страны – ее человеческому и природному потенциалу, доминирующим в обществе социокультурным параметрам, включая систему ценностей, психологию; к существующей в конкретно-исторический период структуре народного хозяйства и социальной структуре, и всегда – больше или меньше – определяется политикой государства.

Экономическая модель представляет собой исторически устойчивый тип хозяйства, включающий ресурсную базу и опирающуюся на нее отраслевую структуру, доминирующие отношения собственности, а также механизм экономического развития, определяющий основной вектор экономических изменений в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Существовавшая на протяжении ряда столетий аграрная (и в основном замкнутая на себя) экономика России начала трансформироваться на протяжении XVII в. с трудным восстановлением после “великой смуты” и со складыванием общероссийского рынка. Одновременно, еще до Петра I, “прорубившего окно в Европу”, приоткрывались “форточки”, устанавливались внешне-экономические связи, причем, естественно, основными категориями российского экспорта была продукция сельского хозяйства, а также

лес. В XVIII в. в Западную Европу из России шел уже огромный экспортный поток, включавший полотно, парусинный холст, лен, пеньку, лес, кожи, сало, воск, без которых не могли обойтись ни флот Англии, ни хозяйство Франции, которая ввозила из России накануне революции 1789 г. около 1/5 импортируемых ею товаров¹, ни ряд других крупных европейских держав.

Однако магистральный путь мирового экономического развития, от которого все больше зависела и Россия не только по мере ее включения в мировую торговлю, но преимущественно по внеэкономическим причинам (отставание в уровне технологического развития, отсутствие ряда производящих отраслей за пределами сельскохозяйственного производства вело и к военному отставанию, а значит, и к угрозе внешней безопасности государства) лежал в иной области: в передовых странах началась сначала protoиндустриализация, а затем и собственно индустриализация, “промышленный переворот”, составившие суть стартовавшего общемирового модернизационного процесса.

Россия, находившаяся частью своей территории на периферии Европы, явилась “вторым эшелон” в модернизационном процессе. При всех формационных различиях, в XVIII в. крепостническая Россия не намного отставала в развитии технологий от передовых стран Европы. Например, одной из ключевых отраслей того времени являлось развитие металлургии, и здесь как по объемам производства, так и по уровню технологий Российская империя находилась на передовых позициях, что свидетельствует о существенной автономности форм организации производства и даже общественной жизни от

Братченко Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории.

Сенявский Александр Спартакович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник центра “Россия, СССР в истории XX века”.

E-mail: senyavsky@yandex.ru

технологических параметров модернизационного процесса, о сложности и косвенности их взаимосвязей. В середине XVIII в. Россия благодаря Уралу (производившему 4/5 российского чугуна и железа и 100 % меди) по производству чугуна обогнала Англию и вышла на второе место после Швеции, а на рубеже XVIII - XIX вв. по производству черных металлов вышла на первое место в мире, произведя более трети выплавки мирового чугуна и около четверти меди. Экспорт российского “уральского” железа рос стремительно и оттеснил прежнего монополиста – Швецию, причем главным потребителем была Англия – до 80% русского экспорта. Можно сказать, что английский “промышленный переворот” во второй половине XVIII в. во многом основывался на импорте продукции уральской металлургии. Без импорта российского железа не могли обойтись и другие страны Запада – Франция, Голландия, Испания и др.² Несмотря на то, что на Урале действовали как казенные, так и частные заводы, в развитии Уральской металлургии как передовой отрасли своего времени совершенно очевидна определяющая роль государства, проводившего целенаправленную политику по формированию и стимулированию развития этого производства.

Экономическое развитие во многом является продуктом когда-то принятых конкретными людьми решений, запустивших (или не пустивших в действие) экономические механизмы, конкретные экономические проекты и т.д. “Невидимая рука рынка” (в которую фанатично верят лишь отъявленные либералы, мало знакомые с реальной экономической практикой самых “рыночных” стран) далеко не всегда является безусловным регулятором экономического развития. Тем более, в таких странах, как Россия, где не только формирование общероссийского рынка и продвижение российского экспорта на мировой рынок в XVI - первой половине XIX в., но и масштабное становление собственно “рыночных” буржуазных отношений с основными экономическими институтами (финансово-кредитная и банковская система, акционерные общества и др.) во второй половине XIX – начале XX в. было не просто под жестким контролем государства, но и во многом в решающей степени им же и определялось, и двигалось, и финансировалось. То есть, и экономическая модель, и общие перспективы экономического развития, и стратегические его направления определялись не “внизу”, не между хозяйствующими субъектами абстрактного “рынка”, а сверху, по причинам преимущественно отнюдь не экономического порядка: российское государство в первую очередь обеспечивало безопасность (военную, геополитическую)

от внешних угроз, а заодно и экономическое освоение пространства (“внутренняя колонизация”), и лишь затем думало о потребностях внутреннего обеспечения, в том числе влияющих на социальную стабильность. Возможно, в этом был главный стратегический просчет верховной власти (и аристократической элиты) Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Если на протяжении XVII – XVIII вв. в аграрной экономике России (и даже в ее начинавших становление промышленных отраслях) доминировали крепостнические отношения (а преобладающая часть крестьянских хозяйств носила преимущественно натуральный характер), то уже в конце XVIII и тем более в начале XIX в. верховной властью осознается нарастающий анахронизм подобной системы, но не по экономическим, а, скорее, по гуманитарным соображениям, вызванным влиянием идей Просвещения. Однако к середине XIX в. западная буржуазная модель экономического развития доказывает свои преимущества косвенно, но весомо – “на полях сражений” Крымской войны.

После поражения в ней в очередной раз власть избирает имперскую модель модернизации, но теперь уже – со значительными элементами либерализма. Собственно, этот симбиоз – с некоторыми рецидивами наступления консерватизма, чередованием реформ и контрреформ (при Александре II, Александре III и Николае II) – явился организационно-идеологическим и политическим оформлением индустриальной модернизации вплоть до революционной катастрофы 1917 г.

При этом вновь избрана была стратегия догоняющего развития, основанная, как правило, на прямом и подражательном заимствовании технологий, ценностей и институтов стран-лидеров Западной цивилизации. Собственно, именно такая стратегия предопределила целый комплекс негативных социальных явлений – зарождение революционного движения, неспособность государства реализовать даже ключевую цель, которая ею преследовалась – сделать военную силу достаточной для противостояния потенциальным противникам, что показали и неудачи в Русско-турецкой войне, и поражения в Русско-японской войне, и военно-техническая и материальная неготовность к I мировой войне. Порок догоняющей стратегии обусловил и неслучайность “двухтактного” пути преобразований (реформы - контрреформы), который “...практически запрограммирован самой идеологией перенесения готовых и где-то эффективно работающих форм собственности и хозяйствования”³. К этому можно добавить: и других общественных – социальных, культурных, политических институтов и форм.

Охарактеризуем основные параметры, достижения, просчеты и итоги реализации этой имперско-либеральной модели модернизации. Уже утвердившееся рыночно-крепостное хозяйство, пришедшее на смену натурально-крепостному в начале XIX в., хотя и не исчерпывает к его середине свой потенциал и экономическую эффективность, а главное – выгоду для помещика⁴, но становится тормозом для индустриализации, что наряду с ростом социальной напряженности оказывается важнейшим внутренним стимулом для отмены крепостного права. Хотя удельный вес крепостных в общей численности населения России сократился к 1860-м гг. до 1/3 (в начале века он составлял около половины), промышленный переворот, в основном осуществленный в 1830-х – 1860-х гг., требовал принципиально иной социально-экономической среды. С 1825 по 1854 г. число фабрик увеличилось с 5,2 до 10 тыс., а численность рабочих – с 202 до 460 тыс. чел., объем продукции с 46,5 до 160 млн р.⁵ И потребность в индустриализации определялась не только оборонными задачами, но и необходимостью сохранять присутствие на мировом рынке, занять достойные конкурентоспособные позиции в международном разделении труда. Фаза контрреформ 1820 – 1855 гг. (последние годы правления Александра I, разочаровавшегося в либерализме, и правление Николая I) сменилась либеральным реформаторством. Модернизационный курс Александра II – вторая после Александра I волна реформ – был осуществлен в либерально-западническом ключе, не только упразднением крепостного права, но и комплексом реформ в системе управления (земская реформа и реформа городского самоуправления), судопроизводства, образования, в военном деле и др. При этом в значительной степени западные либеральные образцы и модели весьма некритично переносились на русскую почву.

Ключевым в комплексе реформ, безусловно, было решение крестьянского вопроса. Но были ли удовлетворены им основные социальные субъекты этой реформы? Помещики, безусловно, нет. Тем более – крестьяне, которые выплачивали государству примерно в 1,5 раза больше, чем получили за землю помещики из казны. При этом крестьяне получили земли намного меньше, чем им принадлежало до реформы (всего – на 18%), и даже через 30 лет выкупные платежи составляли больше всех прямых налогов на крестьянские хозяйства⁶. Несправедливость крестьянской реформы, названной Великой, ее противоречие основным представлениям крестьян о том, что земля “божья” и не должна быть в частной собственности, а должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает, порождали не только высо-

кий уровень социальной напряженности в обществе, но и собственно революционное движение городской интеллигенции, вырабатывавшей “крестьянскую” идеологию.

Тем не менее, реформы придали ускорение индустриализации. Ключевым направлением и важным показателем ранней индустриализации в России было железнодорожное строительство. И успехи были впечатляющими. С 1860 по 1881 г. протяженность железных дорог выросла с 1,5 до 21,2 млн верст⁷.

Новая волна реформ – С.Ю.Витте (середина – конец 1890-х гг.) концентрировалась в финансовой сфере. Была проведена денежная реформа с переходом к золотому стандарту рубля, усилено косвенное налогообложение, в частности, введена государственная монополия на продажу водки, осуществлены протекционистские меры. Был дан новый толчок индустриализации: за 1893-1899 гг. протяженность железных дорог выросла примерно на 50%⁸.

Реформы С.Ю.Витте продемонстрировали определенную дееспособность имперской модели развития при сохранении прежней хозяйственной системы на основе либерально-консервативных трансформаций при мощном государственном влиянии на экономическую жизнь, но не учли необходимость разрешения коренного для России – аграрного вопроса.

Эту проблему – с огромным запозданием – вынужден был решать П.А.Столыпин, но, как не раз было показано в литературе, реформа была скорее провальной, особенно по своим побочным результатам. Столыпинские реформы, грубо и резко ломавшие вековые устои общинной жизни насильственным насаждением сверху частной собственности в деревне, вызвала мощное сопротивление основной крестьянской массы. Безусловно, характер и сила революционного взрыва 1917 г. во многом определялись нерешенностью именно аграрного вопроса и теми способами его квазирешения, которое навязывалось властью в рамках столыпинских реформ.

Имперской либерально-консервативной модели модернизации конца XIX – начала XX в. соответствовала модель экономического развития, представлявшая собой конгломерат реликтовых и консервативных форм социально-экономической жизни (община, помещичье землевладение и др.), либеральных экономических форм (элементы экономического законодательства, банковская система, акционерные общества и др.), казенные предприятия и экономические проекты, предприятия иностранного капитала, и др. Сочетание множества разнородных укладов экономической жизни при неопределенности и противоречивости стратегии экономического развития (хотя го-

сударство оставалось важнейшим субъектом экономического процесса и способствовало тенденциям индустриализации страны, однако оно же стремилось сохранять неэффективное в своей массе помещичье землевладение, запаздывало с поддержкой становления передовых отраслей индустрии, и др.), что не только делало экономику неустойчивой, но и обуславливало глубокие основания для социальной конфликтности, потенциал которой в обществе нарастал. Миф о процветании имперской экономики легко рушится при сопоставлении фактов.

Во-первых, при всех относительных успехах развития на пути индустриальной модернизации, - Россия и в 1917 г. оставалась преимущественно аграрной страной с более чем 4/5 сельского, в основном крестьянского населения, с неразвитыми (кроме десятка-полтора) городскими центрами, с отсталой отраслевой структурой экономики, низким качеством трудовых ресурсов и т.д. Воспевали успехи “Развития капитализма в России”, подобно Ленину, преимущественно леворадикальные идеологи марксистского толка, поскольку это подводило идеологическую базу под их революционное направление и создавало (вопреки ортодоксальному марксизму) некое интеллектуальное оправдание перспектив “пролетарской революции”.

Во-вторых, темпы роста российской экономики отнюдь не были столь высоки, как хотелось бы “певцам” дореволюционного процветания Российской империи. Во всяком случае, со времени реформы 1861 г. экономическое отставание России от мировых лидеров отнюдь не уменьшилось, а, напротив, увеличилось.

Наконец, в-третьих, именно в начале XX в. Россию настиг глубочайший фундаментальный, системный кризис, который зрел на протяжении многих десятилетий и прорвался, наконец, в революционных потрясениях 1905 и 1917 гг.

Существовавшая экономическая модель и имперская стратегия догоняющего развития в контексте либеральных реформ второй половины XIX – начала XX в. не решила главной проблемы России – не преодолела отставания от стран-лидеров. Реализация этой модели не только сопровождалась откатами, рецидивами консерватизма, но и во многом провоцировала социальную напряженность и политические потрясения, а также военные поражения (в Русско-японской и I мировой войнах). В конечном счете, именно она привела к революционной катастрофе 1917 г. и смене общественного строя.

В результате первой, дореволюционной модернизации, старую Россию сокрушил революционный взрыв, ставший следствием целого комплекса стечения объективных условий, законо-

мерных факторов и случайных обстоятельств. Важнейшие из них - неадекватность поведения власти в сложных исторических условиях на протяжении длительного времени, эгоизм ряда социальных сил, в том числе инфантильность российской элиты, особенно утопические настроения либерального течения общественной мысли и политики. Немало способствовали краху страны иллюзии конституционализма в сельской стране с традиционалистским менталитетом, и особенно столыпинщина - попытка форсированного и насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины. История показывает, что насильственно насаждаемые, неорганичные и несвоевременные (как “забегающие вперед”, так и запаздывающие) реформы отторгаются российским обществом. В лучшем случае, они буксуют и не дают того результата, на который рассчитывают реформаторы. В худшем - провоцируют и предельно обостряют социальную напряженность, приводя в результате к социальному взрыву.

В конечном счете процесс насильственных, неорганичных реформ порождает неизбежную реставрацию цивилизационных основ общества при смене “исторических декораций” - политических, идеологических и других “надстроечных” форм. При этом сохраняются социокультурные основания общественной жизни, архетипы массового сознания, причем как социального, так и этнического характера.

При смене доминирующих идеологий и политического устройства, форм организации экономической и социальной жизни на протяжении почти всего XX столетия сохранялся основной вектор гораздо более глубоких, “базовых” для российского общества перемен. Речь идет о таких фундаментальных процессах, как индустриальная модернизация, то есть переход от преимущественно аграрного к индустриальному обществу (экономико-технологические изменения) и урбанизационный переход - от сельского к городскому, урбанизированному обществу (социально-экономические и экзистенциальные изменения - в системе расселения, занятости, образе жизни и т.д.).

Радикально решить проблемы фундаментального, системного кризиса в России можно было только в рамках форсированной мобилизационной модели, которая всегда имеет высокую социальную цену. И это – плата за выход из революционной катастрофы, в которую завели страну некомпетентная власть, эгоистические элиты Российской империи и неадекватная времени либеральная интеллигенция.

Революция 1917 г. прервала имперскую модернизацию на базе либеральных и квазилиберальных охранительных реформ, но альтернативой индустриальной модернизации могла быть

только гибель государства и российской цивилизации в целом, а потому модернизация была необходимой. Вопрос заключался в том, какие социальные силы будут ее осуществлять, какую модель выберут, какие инструменты социальной мобилизации задействуют.

Парадоксальным образом, прозападнические политические силы, спровоцировавшие свержение монархии и социально-политический взрыв, оказались выброшены из России, а другие “западники”, леворадикальные марксисты, пришедшие к власти, стали воплощать в политике традиционалистские ценности, проводить в жизнь традиционалистскую модель модернизации.

Отличный от Запада вариант модернизации впервые в истории продемонстрировала советская “коммунистическая” мобилизационная модель, решавшая все те же задачи индустриальной модернизации, опираясь на низшие классы общества, а потому оказавшаяся более способной к аккумуляции ресурсов для решения задач модернизации в форсированном режиме и более устойчивой. Кризис данной модели проявился много позже - при переходе к постиндустриальной стадии мирового развития, к которой власть не сумела ее адаптировать.

Период Гражданской войны и политики “военного коммунизма”, во многом воспроизводившей политику Германии в период мировой войны, сменился задачами восстановления экономики, которые решались в рамках нэпа – политики, основанной на использовании рыночных механизмов. Собственно, советская индустриализация начиналась в рамках нэпа, который являлся режимом “выживания”, но оказался не способным обеспечить необходимые условия для развития, тем более форсированного. Свою роль в свертывании нэпа сыграла не только идеология, но и международная ситуация: сильнейший в истории мировой экономической кризис 1929 – 1933 гг. характеризовался повсеместным усилением государственного вмешательства в экономику и ограничением рыночных отношений. Это был пример и для “первой страны Советов”. Но важнее было другое: СССР получил шанс приобрести на мировом рынке более дешевые технику и технологии, что было жизненно необходимо ввиду исчерпания потенциала, а также износа основных, дореволюционных еще фондов промышленности. Государство вынуждено было концентрировать ресурсы в своих руках, изыскивать всеми возможными путями средства, в том числе валютные ресурсы, для нужд индустриализации. Одним из важнейших путей социальной мобилизации общества явилась коллективизация сельского хозяйства, создававшая крупные аграрные предприятия с возможностью

использования техники, но в первую очередь, ставившая крестьянство под непосредственный государственный контроль и позволявшая изымать хлеб для нужд индустриализации.

Парадоксальность советской модернизации в том, что она осуществлялась на традиционалистской основе, приобретала формы и идеологическое оформление, созвучное настроениям и ценностям традиционного российского общества, и вела к форсированной трансформации и ломке традиционализма в значительной мере под лозунгами его сохранения.

Форсированная “социалистическая” индустриализация в СССР оказалась в конце 1920-х - 30-е гг. функцией государства. Успех советской индустриальной модернизации в 1930-е - 1950-е гг. был определен во многом тем, что государственная и крупная коллективная (колхозная) собственность вполне соответствовали существовавшему, относительно передовому в тот период технологическому укладу, предполагавшему в организации производства (фабрично-заводском, преимущественно конвейерном) большую концентрацию людей, техники, материальных ресурсов. Кроме того, именно государственная собственность позволяла обеспечить мобилизационный форсированный вариант модернизации, на основе концентрации ресурсов на ключевых “направлениях прорыва”.

Советская модель оказалась наиболее адекватной формой перехода России к индустриальному и городскому обществу. Новые управленческие решения в сочетании с социальной мобилизацией и возможностями сверхцентрализации ресурсов дали впечатляющие результаты. Советская модель индустриализации продемонстрировала весьма высокую эффективность, за три десятилетия превратив преимущественно аграрную страну в индустриальную и городскую. В результате второй, советской модернизации, Россия стала сверхдержавой, второй по экономической мощи, и держала эти позиции почти полвека.

Однако планово-директивный механизм по мере разрастания народнохозяйственного комплекса породил внутри себя и механизмы торможения, прежде всего за счет роста автономности ведомственных структур и абсолютизации их интересов. Так была заложена консервация с каждым годом устаревавшей отраслевой структуры экономики, которая расширенно воспроизводила себя в условиях, когда мировая экономика совершала новые технологические перевороты. Были допущены и существенные ошибки в научно-технической политике СССР еще в 1950-е – 1960-е гг., усугубившиеся в дальнейшем⁹. В итоге советская экономика “наслаивала” пласты новых, временных технологических укладов на воспро-

изводившиеся (нередко расширенно) уклады прошлого или даже позапрошлого уровня.

Несмотря на то, что в СССР вовремя были замечены принципиально новые тенденции развития, вскоре определенные как “научно-техническая революция”, из этого не было сделано должных выводов, и дело свелось по сути к ритуальным заклинаниям о “необходимости соединить достижения НТР с преимуществами социализма”. Свою роль в этом процессе сыграла и закосневшая “коммунистическая” идеология и экономическая теория. Советские идеологи продолжали мыслить категориями полувекковой давности, когда индустриализация действительно являлась магистральным путем человечества; официальная социальная опора нового строя - рабочий класс, под которым понимали занятых физическим трудом людей в государственном секторе экономики (а элитой этого класса - людей, непосредственно занятых в материальном производстве), – был действительно “передовым” классом будущего индустриального общества. Оправданным было и измерение мощи экономики валовыми показателями добычи сырья, производства продукции “первичного” уровня обработки.

Но уже к 1970-м, тем более 1980-м гг. все эти критерии были категориями прошлого. В то время, когда в “первом мире” происходили радикальные сдвиги в направлении к экономике знаний, высоких технологий, и все большую роль приобретал “человеческий капитал”, советские идеологи мыслили категориями раннеиндустриальной эпохи, в которую показателями успешного экономического роста были производство угля, металла и т.д. Марксистские доктринальные установки, возникшие на заре индустриализации, и догматически сохраняемые влиятельной идеократической частью элиты СССР, стали препятствием для необходимых организационных, институциональных и социальных трансформаций. По сути, КПСС в начале 1980-х гг. звала уже не вперед, в будущее, а назад, в индустриальное прошлое человечества.

Технологическая многоукладность советской экономики и региональная разнотадальность вызвали затяжной структурный кризис, причем к середине 1980-х - началу 1990-х гг. страна уже на полтора-два десятилетия запоздала со структурной перестройкой экономики, происходившей во всем мире. В результате страна упустила исторический шанс остаться в числе мировых научно-технических лидеров, сохранять экономическую состоятельность, на равных конкурировать с Западом. Ранее самодостаточная советская экономика, развивавшаяся в относительно замкнутом режиме и являвшаяся еще в 1960-е гг. мощной альтернативной западной экономической модели, с катастрофической быстротой утрачива-

ла свою (относительную!) конкурентоспособность. В 1970-е – 1980-е гг. страна не смогла удержать позиции одного из ведущих лидеров мирового научно-технического прогресса. “Поэтому если в 1960-х гг. можно было говорить о параллельном существовании двух мировых экономик, то к 1980-м гг. ситуация изменилась”¹⁰.

Именно прорыв к новым технологическим уровням, организационная и структурная перестройка экономики, а не радикальный передел собственности и изменение социально-политической системы отвечали интересам и экономического развития, и всего общества. Однако развитие пошло по совсем другому сценарию.

Главный исторический урок краха экономической политики КПСС, а потому и советской власти состоит в том, что она перестала отвечать требованиям времени. Большевики в 1917 г. были партией индустриального будущего, КПСС образца середины 1980-х гг. – партией индустриального прошлого. В отличие, например, от компартии Китая КПСС не смогла предложить эффективной стратегии выхода из кризисной ситуации и обеспечения новой стадии – теперь уже постиндустриальной - модернизации (хотя китайский вариант был абсолютно неприменим в СССР!).

Советская модель индустриальной модернизации оказалась существенно более успешной, нежели дореволюционная имперская либерально-консервативная. Во-первых, она реально обеспечила жизнеспособность и конкурентоспособность страны, пройдя испытания Второй мировой войной, послевоенным восстановлением экономики, противостоянием в “холодной войне” 1950-х – 1980-х гг. с изначально и заведомо более мощным противником (имперская модернизация привела к двум революциям и поражению в Русско-японской и мировой войне). Во-вторых, она в основном реализовала и завершила индустриальный модернизационный цикл, тогда как либерально-консервативная имперская находилась в начале пути, прервавшись на стадии аграрной по преимуществу страны (4/5 сельского населения). В-третьих, она создала базу для эволюционного перехода к следующей постиндустриальной стадии, которая не была реализована преимущественно в силу ситуационных политических, во многом, субъективных причин.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-90101а/Б.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹ См.: *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.,

2008. С. 358.
- ² См.: Там же. С. 294 – 362.
- ³ *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб., 1998. С. 5.
- ⁴ См.: *Струве П.* Крепостное хозяйство: Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913.
- ⁵ См.: *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 366-372.
- ⁶ *Лященко П.И.* История русского народного хозяйства. М., 1927. С. 264; *Рожков Н.А.* Город и деревня в русской истории. М., 1923. С. 127.
- ⁷ *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 282.
- ⁸ *Россия: ее настоящее и прошлое.* СПб., 1900. С. 356-357.
- ⁹ См.: *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
- ¹⁰ *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970-е – 1980-е годы. М., 2007. С. 110-111.

IMPERIAL AND SOVIET MODELS OF ECONOMIC DEVELOPMENT: COMPARATIVE ANALYSIS

© 2009 Т.М. Bratchenko¹, A.S. Senyavsky²

¹ Moscow City Open University

² Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

The Revolution of 1917 interrupted but did not stop the general process of Russia's industrial modernization, which developed within the two models – pre-revolutionary and Soviet. There were drastic differences between them, both of them had their own difficulties and antagonisms, but they shared the major line – the modernization vector. Historically, the first, imperial model, failed, having entailed the revolution, while the other one ensured Russia-USSR to become a superpower. The article is prepared with the support of the Russian Humanities Fund, Project №08-01-90101a/Б.

Key words: Russia, USSR, economic model, discontinuity, continuity, industrial modernization, market, government regulation, crisis, mobilization model.

Tatyana Bratchenko, Candidate of History, Professor at the History Department.

Alexandr Senyavsky, Doctor of History, Chief Research Fellow at the "Russia, USSR in the History of the XX Century" Center. E-mail: senyavsky@yandex.ru